

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Биоэтика как форма социально распределенного производства знания

П. Д. ТИЩЕНКО

(Институт философии РАН, Московский гуманитарный университет)*

Биоэтика трактуется как форма социально распределенного производства знания, осуществляющегося не только в науке, но и в сложно организованной социальной сети, воспринимающей научные идеи, накапливающей, распространяющей и применяющей их.

Ключевые слова: биоэтика, производство, знание, знание неявное, тезаурус, проблема, кон-центр, экс-центр, кон-такт.

Bioethics as a Form of Socially Distributed Knowledge Production

P. D. TISHCHENKO

(THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RAS, MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Bioethics is treated as a form of socially distributed knowledge production, which is being carried out not only in science, but also in a complex social network. This network perceives scientific ideas, and then accumulates, distributes and applies them.

Keywords: bioethics, production, knowledge, tacit knowledge, thesaurus, problem, con-centre, ex-centre, con-tact.

Словосочетание «социально распределенное производство знания» заимствуется мной из концепции второго типа производства знания (далее — просто T2), сформулированной М. Гиббонсом и соавт. (Gibbons et al., 1994). T2 качественно отличается от первого типа производства знания (T1), характерного для классической мо-

нодисциплинарно организованной науки. В классической науке знание производится в лабораториях и других специализированных научных организациях. Из науки оно транслируется в общество в уже более или менее готовом виде, превращаясь из фундаментального в прикладное. Причем, как показывают параллельно разворачивающиеся

* Тищенко Павел Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, главный научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Тел.: (495) 374-59-30. Эл. адрес: pavel.tishchenko@yandex.ru

философские исследования, Т2 прикладное концептуально становится формой фундаментального (Киященко, 2008а). Концепция Т2 обращает внимание на то обстоятельство, что знание производится не только в науке, но и во всей сложно организованной социальной сети, воспринимающей научные идеи, накапливающей, распространяющей и применяющей их. Каждый из социальных агентов, участвующих в этом процессе, производит свое собственное специфическое знание, которое позволяет, с одной стороны, более эффективно выполнять именно его функции, а с другой — более успешно включаться в кооперацию с другими агентами. Как представляется, использованный в Т2 аналитический аппарат позволит по-новому истолковать неразрывную связь знания, понимания и умения в биоэтике с точки зрения единства, покоящегося на множественности парадоксально связанных начал (Тищенко, 2008: 83–91).

Напомню, что биоэтика рождается в середине XX в. В это время становится ясно, что для достижения общего блага и решения острейших антропологических и экзистенциальных проблем, порождаемых научно-техническим прогрессом биомедицины, необходимо сочетание многообразия ранее разобщенных дисциплинарных знаний: научных, философских, богословских, юридических, политических и т. д. Причем это сочетание оказывается возможным лишь в результате выхода исследований за рамки дисциплинарных границ в трансдисциплинарную сферу жизненного мира (Киященко, 2005).

Разработчики концепции Т2 выделяют пять его особенностей, которые будут полезны для истолкования характера производства биоэтического знания. Во-первых, это знание производится (точнее сказать — расширенно воспроизводится) в контексте практического применения. Во-вторых, оно является междисциплинарным и даже трансдисциплинарным с учетом интенции на целостность в указанном выше смысле. В-третьих, оно разнородно и по качеству,

и по организационному разнообразию форм получения. В-четвертых, оно не просто описывает те или иные аспекты реальности, но имманентно включает в себя удвоенную рефлексию. Рефлексия на способы производства знания и на ценностные основания этих самих способов. Рефлексия производящего знание субъекта на себя является формой его собственного деятельного воспроизводства. Тем самым одновременно с производством знания производится и его производящий субъект. Причем неважно, какого он числа: единственного или множественного. Знание производится как индивидами, так и их общностями (фирмами, лабораториями и т. п.). В-пятых, Т2 дополняет стандартные научные практики оценки качества знаний (в частности, процедуры peer review), осуществляемые тем или иным экспертом или экспертным сообществом, оценкой на их этическую приемлемость, социальную востребованность (полезность) и эффективность.

В биоэтике отмеченные особенности Т2 реализуются в трех неразрывно связанных социально ориентированных познавательных системах: междисциплинарной области научных исследований, академической дисциплине и политическом институте. Полагая, что смысл первых двух систем в первом приближении ясен, остановлюсь на уточнении смысла третьей системы. К политическим институтам биоэтики прежде всего может быть отнесена распределенная в разных социальных слоях демократически функционирующая система этических комитетов. Их целью является достижение согласия между социальными субъектами биомедицинской науки и здравоохранения. Этические комитеты существуют при: 1) научных институтах и медицинских центрах; 2) профессиональных научных и медицинских организациях (национальных и международных); 3) государственных организациях (академиях, министерствах, правительствах, президентских администрациях); 4) международных организациях (ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы и др.).

Помимо этических комитетов к политическим институтам биоэтики можно отнести широкий спектр общественных организаций, объединенных такими проблемами, как защита прав пациентов, сексуальных меньшинств, противников аборта, защитников прав животных и т. д. Биоэтика в качестве политического института выражает классическое (аристотелевское) понимание политики как сферы согласования гражданских интересов и целей во имя общего блага.

В отмеченной познавательной и институциональной структурности биоэтики, как мне представляется, воспроизводится в широком смысле реальное основание и иных современных способов социально распределенного производства знания. В контексте специфичных социально распределенных форм производства *знаний* формируются свои особые тезаурусы. Их особенности связаны с особенностями *пониманий* (ценностных и смысловых истолкований) и *умений* (знаний — умений конкретных социальных практик — исследовательских, педагогических, политических). Я говорю о тезаурусах, имея в виду уже упомянутую практическую производственную функцию биоэтики. Ниже остановлюсь на этом вопросе как центральном. Здесь же напомним, что «тезаурус... выражает ту сторону всякого знания, освоенного субъектом, которая состоит в его (знания) способности применяться субъектом для того, чтобы наилучшим образом ориентироваться в окружающем мире как на уровне повседневности частной жизни человека, так и на уровне великих событий мировой истории» (Луков Вал., Луков Вл., 2008а: 65). Универсальные объективные знания, полученные в дисциплинарном знании науками, транслируются в общество и участвуют в формировании специфических тезаурусов субъектов социально распределенного производства знаний именно тогда, когда они подключаются к решению практически значимых проблем. Одновременно знания, произведенные другими социальными субъектами в иных сферах гуманитарно-познавательной деятельности, транслируются в об-

ратном направлении внутрь научных дисциплинарных областей, дополняя и видоизменяя их собственные тезаурусы. Биоэтика в отношении к сфере биомедицины, с одной стороны, и гуманитарных наук — с другой, является для их специфических тезаурусов местом встречи, коммуникативным каналом и средой взаимодействия и взаимообменов. Через биоэтику гуманитарные знания транслируются в сферу биологии и медицины, определяя их ценностно-нормативную рефлексивность. В свою очередь, через ее же посредничество знания биологии и медицины транслируются в сферы гуманитарного познания, провоцируя возникновение соответствующим образом ориентированных исследовательских направлений в философии, праве, психологии, социологии, экономике, литературоведении и т. д. и т. п.

Поэтому биоэтика не просто является формой социально распределенного производства знаний, но в этой социальной распределенности — ключевым опосредующим узлом: местом встречи, коммуникатором и средой взаимо-со-действия.

Как возможна коммуникативная посредническая функция биоэтики? На этот собственно философский вопрос ответ будет дан в несколько приемов. Во-первых, необходимо будет прояснить особую роль практически значимых проблем, которые связывают различные формы производства вместе и структурируют их в различную общность. Во-вторых, полезно взглянуть на эту ситуацию с точки зрения специфики самого производимого знания (его взятой с разных сторон спецификой).

Практически значимая проблема как концентр, эксцентр и контакт биоэтики. Для первоначального проговора этого вопроса воспользуюсь ресурсами двух неологизмов: «кон-центр» и «экс-центр», а также слова «кон-такт». Неологизм «концентр» заимствован у Вл. А. Лукова. Он образован «на основе прилагательного “концентрический”, произведенного от латинской приставки *con-* и слова *centrum* — центр, средоточие — и обозначающего в геометрии окружности,

круги, сферы, имеющие общий центр» (Луков, 2008: 19). В классической дисциплинарно организованной науке концентрирами, связывающими расходящиеся ветви научных исследований, выступают предметы. В этом смысле производство научных знаний T1 предметно-центрично. В биоэтике, как разновидности T2, такими кон-центрами начинают выступать общие экзистенциально значимые проблемы. В них человек сталкивается не просто с чем-то неизвестным, но, и ближайшим образом неосвоенным, чужим, нарушающим его ориентацию в мире, угрожающим или ограничивающим перспективы выживания, самореализации. Общие проблемы создают место встречи различных дисциплинарных и междисциплинарных научных истолкований, общим основанием которых является трансдисциплинарный по своей природе контекст жизненного мира.

Однако проблемы не только связывают, но и разобщают, включают в себя не только центростремительные, но центробежные силы междисциплинарных и внутридисциплинарных различий. Второй неологизм «экс-центр» (этимология его достаточно прозрачна) конструируется как выражение этой стороны дела. Он призван указать на тенденцию к рас-средоточению, распределению, наличию в биоэтике мощных центробежных сил, которые могут быть представлены как влияние запросов на этот вид знания из внешних контекстных доопределений (например, проблем развития современных религиозных общин), конкретных событий (типа чернобыльской катастрофы), политических ситуаций (выборов в парламент и т. п.), казусов (как в случае клонирования овцы Долли) и т. д.

Кон-такт содержит прямую отсылку к взаимодействию различных (социально распределенных) субъектов производства знания. И при этом, благодаря своей корневой конструкции, удерживает не только смысл совместности, но и смысл «такта» как характеристики у-местного, свое-временного и реализованного со-размерно ситуации действия (Киященко, Тищенко, 2009). Дейст-

вия как поступка, что образует основу знания как умения.

В биоэтике можно выделить четыре основные проблемные группы: экологические проблемы, проблемы защиты прав человека в сфере биомедицины, проблемы научно-технического прогресса, проблемы культурного плюрализма. Каждая из проблемных групп формирует сообщества единомышленников по признаку свой — чужой: «зеленых» — «технократов»; «правозащитников» — «администраторов»; «техноскептиков» — «техноэнтузиастов»; «антиглобалистов» — «глобалистов»; «традиционалистов» — «прогрессистов» и т. п. Это одновременно и концентрическая, и эксцентрическая функция проблемы как таковой, которая в зависимости от степени согласованности, прохождения критической точки сопряжения противоборствующих центростремительных и центробежных сил может образовывать в оптимальном варианте широкое многообразии «биоэтик для друзей — bioethics for friends» (Тр. Энгельгардт младший).

Аналогично действуют более частные проблемы: аборт, эвтаназии, клонирования человека и т. д. и т. п. Их первичное понимание и проговаривание создает своеобразные дискурсивные «мембраны» (Луков Вал., Луков Вл., 2008b), селективно проницаемые для потоков информации извне — внутрь сообщества и в обратном направлении. Например, противники аборта называют его «убийством нерожденного человека», а сторонники — «искусственным прерыванием беременности». Тем самым исходное предпонимание проблемы, направления ее обсуждений и спектра возможных решений оказываются заранее predetermined. Одновременно это исходное предпонимание образует своеобразное кредо для конкретной групповой идентичности, «биоэтики для друзей».

Если социальная дифференциация застывает на описанной стадии, то формирование коллективной воли всего общества обеспечивается насилием (административным, политическим, идеологическим) представителей одного частного сообщества над други-

ми. Состояние подобного большого сообщества можно назвать состоянием холодной гражданской войной. Отказ от идеологии войны (в том числе холодной) и насилия в пользу гражданского мира совершается постепенно и с огромными трудностями в постсоциалистических странах, как и в странах третьего мира. Биоэтика является симптомом и своеобразной меркой этой тенденции. Но во всех случаях, когда ей удастся захватить пространство в умах и локусах социального взаимодействия, мы можем говорить о третьей функции биоэтических проблем. Помимо функций кон-центров и экс-центров, они начинают выполнять роль контактную. Связывать нормативными структурами (прежде всего права и этики гражданского сотрудничества) разнородные социальные группы, доопределяя «биоэтику для друзей» тем, что Тр. Энгельгардт мл. назвал «биоэтикой для посторонних» — “bioethics for strangers”. Биоэтика, как он образно выразился, существует лишь во множественном числе. Ни одна из биоэтик не выступает как целое в отношении к другим как частям.

Таким образом, биоэтическое знание не просто производится в различных социальных институтах (исследовательских, образовательных или политических), но и по своей природе оказывается неоднородным, социально распределенным: оно может включать знание и научное, и философское, и богословское, и обыденное знание «людей с улицы». Оно по сути меж- и трансдисциплинарно. При этом контекст применения выступает основанием связи или частичного пересечения разнородных тезаурусов, основанием меж- и трансдисциплинарности.

Теперь попробую рассмотреть обсуждаемый вопрос с точки зрения различий в самом знании. В огромном числе возможных вариантов ответа на вопрос о структуре знаний остановлюсь на двух. Одно из них подсказано Т. С. Элиотом, а другое введено Майклом Полани.

«Where is the wisdom we have lost in knowledge? Where is the knowledge we have

lost in information?»¹ Будучи под сильным влиянием философии Анри Бергсона, Элиот обращает внимание на усиливающийся в современной цивилизации процесс выхолащивания синкретического «знания» в самом широком смысле этого слова. Синкретическое знание-мудрость древности, в котором рациональные элементы содружественно работают с интуицией и творческим воображением, деградирует до чисто рациональных конструкций научного знания (в нашей культуре знания как такового). Что при этом теряется? Домысливая Элиота, можно предположить, что теряется «длительность» (в терминологии Бергсона). Теряются непредставимые в формах рационалистических объективаций (опространствлений) эффекты становления, имманентно присущие любому существу, о котором ведется речь. В языке и мышлении эти эффекты становления, ускользающие от рационального схватывания, парадоксальным образом схватываются (усваиваются, сохраняя следы неувоенного — чужого) в идеях парадоксов, апорий, антиномий, антитез. Они-то и являются наиболее фундаментальными основаниями биоэтики (Киященко, 2005; Тищенко, 2009) как формы социально распределенного производства знания.

Претендуя на роль эксперта в философии, я только тогда буду готов вступить в биоэтическую беседу с другим философом, не говоря уж о других специалистах (богословах, юристах и т. д.), когда признаю, что любая моя попытка (как и попытка любого другого эксперта) усвоить любую проблему (клонирования, эвтаназии и т. п.) включает в себя неполноту знания, возможность непонимания, неудачу аргументации. И лишь в споре—диалоге, в дополнении разнородных знаний может сохраниться след присутствия ускользающей реальности. Этот аспект биоэтики мной подробно рассматривается в статье «Гуманитарная экспертиза...». Человек (профан, эксперт любого вида) может придерживаться разных воззрений на обсуждаемые проблемы. Однако его готовность обсуждать совместно и ис-

как путь компромисса в договоренности как раз и основана на «интеграле» мудрости (предпосылке и связи знания и информации) как неизбежной необходимости.

В каком смысле и какое знание теряется в информации? И как осознание этой потери может повлиять на обоснование возможности социально распределенного производства знаний? Эта потеря связана с утратой инерции классического (по В. С. Степину) научного представления, непосредственно проецировавшего знания, полученные в конкретных формах опыта, на мир как он есть сам по себе независимо от этого опыта. В неклассической науке эта связь оказывается под вопросом. То, что мы наблюдаем в качестве научных фактов, зависит от того, как мы эти факты получаем (от приборов и нашего языка). На уровне обыденных научных практик это выражается в том, что ни один факт, наблюдение и ни одно сообщение о найденной закономерности не будут рассматриваться в науке, если исследователь не укажет метод, с помощью которого он эти результаты получил. Результат — надводная часть айсберга знания. Метод — подводная — для публики незаметная часть, как и неявное знание-умение.

Знание превращается в информацию тогда, когда тело знания «распиливается» пополам — надводная часть поступает в общественное обращение в качестве «информации», а подводная остается в самом научном сообществе, в той особой форме, которую М. Полани назвал «неявным» знанием. Подробней будет сказано ниже.

Теперь же важно отметить, что если осознание значимости мудрости раскрывает самое фундаментальное основание сотрудничества инакомыслящих экспертов и «профанов» в биоэтике, то данная потеря первым шагом осознания, наоборот, устанавливает нередуцируемость знаний, пониманий и умений, полученных в контексте одного типа опыта, к знаниям, пониманиям и умениям, образующим другие формы опыта. Каждый из многообразных субъектов производства знания имеет свое особое значение. В каче-

стве примера сошлюсь на правило добровольного информированного согласия, без выполнения которого не может производиться ни одна медицинская процедура. Какого рода информацию может предоставить врач пациенту для того, чтобы последний мог самостоятельно принять решение? Традиционно предполагается, что всей информацией обладает врач, и речь идет именно о получении медицинской информации как таковой. С пациентом он должен ею поделиться.

Упускается, что без профессиональной врачебной интуиции (понимания) и врачебного знания связи информации со способом ее получения (умения) информация о состоянии больного последнему мало что скажет. Дело в том, что информация не просто должна быть передана пациенту, а включена в его личный тезаурус. Она должна стать фактором, определяющим то, что я обозначаю как «биографический план страдания» и отличаю от «биологического», знания о котором, к сожалению, до сих пор только и являются прерогативой врача. Информация может получить осмысленность в сознании пациента (освоиться и войти в его тезаурус), когда станет аргументом в ответе на его экзистенциально значимые вопросы. Какого рода негативные переживания предстоит пережить, каковы шансы благоприятных и неблагоприятных исходов той или иной процедуры, каковы финансовые расходы того или иного лечения, как результаты лечения или нелечения скажутся на качестве жизни, на трудоспособности, привычной практике досуга и т. д. Этот тип знания рождается в опыте-переживании самого пациента, и врач по ряду объективных и субъективных причин имеет о нем весьма смутное представление. Таким образом, в социальной ячейке врач — пациент работают два субъекта знания, общающихся друг с другом через обмен информацией, к сожалению, упускающих взаимнообмен на уровне мудрости, сочетающей понимание и умение идти на контакт при совместном выборе решения, как поступить.

И еще один важный аспект, содержащий-ся в знании, поскольку нами учитывается его зависимость от способов получения. Эта зависимость превращает знание, данное во всеобщих дисциплинарных определениях, через его понимание и умение сообразно ему действовать в некоторый транс-формер. Варьируя условия опыта биоэтического общения, мы можем через указанные «механизмы» трансформирования знания обращать нежелательные в желательные, оптимальные эффекты состоявшегося контакта. Тем самым закладывая основание для возможности совместного использования разного типа знаний в социальной сети распределенного производства.

Иными словами, подводная часть знания (вкуче понимание и умение), не всегда явно проявляющаяся, но которая, по-видимому, определяет особенность того или иного тезауруса. Именно она является основанием для множественного социального распределения (транс-формирования) знания с точки зрения пользы в данном контексте практически важной проблемы, формирующейся по ладности и складности, смежности и полезности, входящих в нее знаний, пониманий и умений. Методологически это превращение знания в транс-формер в языке тезаурусного подхода может быть описано и так: «систематизация данных в тезаурусе строится не *от общего к частному*, а *от своего к чужому*. Свое выступает заместителем общего. Реально общее встраивается в виртуальное *свое*, занимая в структуре тезауруса место *частного*» (Луков Вал., Луков Вл., 2008а: 64).

Знание явное и неявное (личностное). Характеризуя особенности современных способов производства знания, разработчики концепции T2 обращают внимание на его внутреннюю неоднородность, выявленную Майклом Полани (Полани, 1985). Знание существует в двух видах — явном (кодифицированном) и неявном (личностном). С явным знанием мы сталкиваемся повсеместно, раскрывая журналы, читая книги, слушая выступления коллеги. Оно легко объективируется (воплощается в текстах разной приро-

ды) и поэтому может достаточно быстро распространяться в сети социальных взаимодействий. Неявное знание, которое «распределено» с определенной долей упрощения между пониманием и умением, воплощено, можно сказать, в «душе» и «руках» их обладателя. Оно связано с его личным мастерством, интуицией и опытом. Неявное знание полностью практически невозможно воплотить в прозрачный вербальный текст, в котором отсутствует символический ряд, подсказывающий его присутствие для активного читательского толкования. Именно поэтому наиболее адекватной формой его распространения является традиция прояснения ритуалов-действий, передача знаний-умений путем подражания (например, в мастер-классах), где большую роль играет суггестивное влияние авторитета учителя и неповторимый талант воспринимающего эти виды знания ученика. Субъектом неявного знания (производителем и носителем) может выступать как отдельный человек, так и слаженно работающий коллектив. T2 неслучайно рассматривает лаборатории, группы активистов, компании и другие социальные организации в качестве самостоятельных производителей, накопителей и распространителей неявного знания, возвращая у нас интерес к традиционной проблеме этоса науки (Киященко, 2008b).

Поэтому когда встает вопрос о развитии биоэтики в нашей стране, то всегда следует иметь в виду неравномерность скоростей в различных локусах и формы производства распределенного знания внутри одних и тех же локусов. Естественно, что кодифицированное (явное знание) будет развиваться быстрее систем некодифицированного (неявного). Так, в отечественное законодательство достаточно быстро вошли заимствованные из международного права общие принципы и правила проведения медицинских и биологических исследований на человеке. Между тем как их реальное воплощение в знания — понимания — умения врачей и пациентов осуществлять свое взаимодействие, руководствуясь этими нормами, рас-

тянулось на несколько десятилетий и не закончилось по сей день. Поэтому, когда сейчас встает вопрос об инновационном развитии в стране, то его планирование и проведение должно учитывать отмеченную неоднородность производства знания, форм его воплощения и распространения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Где мудрость потерянная нами в знании? Где знание, потерянное нами в информации?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008а) Тезаурус. Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса.
- Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008b) Развитие теории и практики тезаурусного подхода (о деятельности ЦТИ МАНПО) [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». № 9 — Комплексные исследования: тезаурусный анализ мировой культуры. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukovs/> (дата обращения: 28.04.2010).
- Луков, Вл. А. (2008) Первый литературный концентр русского культурного тезауруса: Византия // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 17. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.
- Киященко, Л. П. (2005) Опыт философии трансдисциплинарности (казус «биоэтика») // Вопросы философии. № 8. С. 105–117.
- Киященко, Л. П. (2008а) Постнеклассические практики: прикладное как фундаментальное // Постнеклассические практики: определение предметных областей. Материалы международного междисциплинарного семинара. М. : МАКС Пресс. С. 12–24.
- Киященко, Л. П. (2008b) Этос постнеклассической науки // Этос науки. М. : Academia. С. 205–234.
- Киященко, Л. П., Тищенко, П. Д. (2009) Эллипсис междуречья (опыт био-концептографии) // Языки культур: образ-понятие-образ. СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии. С. 129–155.
- Киященко, Л. П., Тищенко, П. Д. (2004) Философия трансдисциплинарности как опыт практического философствования // Практичная философия. Киев. № 2. С. 11–20, № 3. С. 179–198.
- Полани, М. (1985) Личностное знание: На пути к посткритической философии. М. : Прогресс.
- Тищенко, П. Д. (2008) О множественности моральных позиций в биоэтике // Человек. № 1. С. 83–91.
- Тищенко, П. Д. (2009) Жизненные апории как начала биоэтики // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. № 9. Проблемы биоэтики и гуманитарной экспертизы: биотехнологии, психология и виртуалистика. М. : ИФ РАН ; МосГУ. С. 57–86.
- Gibbons, M. et. al. (1994) The New Production of Knowledge: the Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. L. : Sage.

Новые книги

Высшее образование для XXI века : VI международная научная конференция, МосГУ, 19–21 ноября 2009 г. : доклады и материалы. Ч. II [Текст] / под общ. ред. И. М. Ильинского ; науч. ред. Вал. А. Луков ; отв. за вып. К. Н. Кислицын. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. — 320 с.